

ло человечество от блестящих времён республики до этого времени видимого упадка, до существенного перехода к новым требованиям»¹. В условиях николаевского режима Грановский в этой лекции в косвенной форме пропагандировал идею отмены крепостничества и проведения аграрных реформ в России.

Яркими штрихами рисовал Грановский в своей лекции восстания рабов и колоннов, потрясавшие Рим: «Повсюду, на всех точках империи начинаются восстания народные. Восстают багауды, восстают рабы, восстают сельские жители, которым не остаётся более никаких средств, и к этим сельским жителям присоединяются другие элементы. Мы видим людей образованных, которые становятся во главе этих восстаний» (л. 30).

Большой интерес представляют мысли Грановского, высказанные им в лекциях о древних германцах. Он подверг критике ювенилистские измышления немецких реакционных историков XIX в., которые тенденциозно преувеличивали роль древних германцев и степень их культурного развития. В одной из своих лекций Грановский заявил: «Напротив, немецкие писатели и их школа кладут в основание всех явлений германский элемент. Нельзя принять в науку этого мнения, которое силится поставить немецкое племя во главе всех народов. В наше время о таком избранном, особенно предназначенном народе не может быть речи. Каждый народ идёт туда, куда ведёт его провидение, каждый несёт свою лепту, свой дар в историю. Один может быть выше другого только вследствие случайных исторических обстоятельств, но между ними такого различия нет... Немцы основывают своё мнение на превосходстве германских учреждений, на героическом периоде германцев, но здесь должно заметить, что у всех народов есть свой героический период, притом все доблести гер-

¹ Ввиду неразборчивости почерка автора записок публичных лекций в интересующем нас месте эту цитату мы даём по курсу лекций Грановского 1845—1846 гг., опубликованному в книге Милокова «Из истории русской интеллигенции», стр. 235—236, 1903. 2-е изд.

манского периода суть только отрицательные» (л. 22). Дальше он говорил: «На почве Галлии и Италии они (германцы-завоеватели.— И. И.) были подавлены превосходством римской образованности... германцы были материалом в образование новых европейских государств» (л. 22).

В другой лекции Грановский с замечательным мастерством показал тяжёлое положение средневекового крепостного крестьянства: «Они (крепостные.— И. И.) отличались от рабов тем, что платили только подати... Для него (феодала.— И. И.) разницы между вилланами и рабами не было. И тот и другой были его подданными, он их судил своим дворянским правом. Перед воротами своей башни он поставил виселицу, на которой он вешал их. Он подчинил их многим безобразным постановлениям... Когда у бедного... ничего не было, чем платить подать, тогда посылался сыщик, который отрубал ему правую руку и приносил господину... Несчастливым жаловаться было негде, управы было неоткуда ждать; одним словом, единственным предлогом власти владельца был его произвол» (лл. 57—58). Эти слова звучали для современников крепостников как суровый и справедливый обвинительный приговор.

Анализ рукописи публичных лекций Грановского показывает, что главной причиной их успеха были передовые мысли, которые им провозглашались с кафедры. Именно поэтому Белинский оценил преподавательскую деятельность Грановского как гражданский подвиг. В этих публичных лекциях, по замечанию Герцена, выступала равшаяся вперёд смелая общественная мысль.

Грановский выступал против русского крепостничества с высоты средневекового замка.

Лекции Грановского были пропитаны духом исключительной человечности и глубоким сочувствием к угнетённым. Когда Грановский говорил о бесправии римских рабов и средневековых крепостных, он имел в виду русских крестьян. Когда же он с негодованием говорил о произволе рабовладельцев и феодалов, то явно намекал на русских крепостников.

БИБЛИОТЕКА ВОЛЬТЕРА

В. Люблинский

В конце 50-х годов прошлого века в своей капитальной «Истории Петра Великого» Н. Устрялов сокрушался о бесследной пропаже драгоценнейших материалов по петровской эпохе, которые некогда легкомысленно были посланы в Фернэ: Вольтер ровно за столетие до того, в 1758—1761 гг., работал над этой же темой. А между тем к тому времени эти материалы уже почти 80 лет находились в Петербурге в сохранности. Их недостаточная известность объ-

ясняется весьма своеобразной судьбой самой ценной части литературного наследия великого вольнодумца, чью память всё прогрессивное человечество почтило в ноябре 1944 г. в связи с 250-летием со дня его рождения.

Библиотека Вольтера была вскоре после его смерти (1778 г.) куплена императрицей Екатериной II у его племянницы, мадам

Дени, за 135 ливров 4 су и 6 денье (30 тыс. тогдашних рублей), не считая ценных подарков. Сразу вслед затем она пополнилась многими рукописями писателя, а также разными изданиями его сочинений и книгами на английском языке, которые ранее были выделены из состава библиотеки.

В царскосельском парке было подыскано место, напоминавшее по расположению Фернейскую усадьбу, даже «с видом на Юрские горы и Женевское озеро». Было намечено построить точную имитацию вольтеровского «замка», водрузить там гудоновскую статую писателя и там же поместить его библиотеку. Но мечты о создании грандиозного памятника Вольтеру так и остались мечтами, и о них ныне напоминают только хранящиеся в Ленинграде, в Государственном Эрмитаже, статуя Вольтера работы Гудона, планы Фернейского поместья, макет дома, где жил Вольтер, да образцы тканей, которыми была обита его мебель.

В августе 1779 г. в подъезде Эрмитажа уже хлопотали среди множества ящиков два незнакомца — «щуплый и дюжий», которые по-французски осведомлялись, куда поместить библиотеку их хозяина: то были привезшие её секретарь Вольтера Ваньер и его кучер.

Библиотеке отвели залу в Эрмитаже, но, являясь частью царской библиотеки, она была совершенно недоступна для изучения. Несколько иностранцев-реакционеров эпохи реставрации Бурбонов (писатели и путешественники, вроде Жозефа де Местра и Англо) видели её, но сквозь стёкла закрытых шкафов. Лишь через 70 лет после того, как библиотека была привезена в Россию, французскому учёному Э. Гарде (Edouard Gauthier) удалось изучить и опубликовать некоторые заметки Вольтера на полях «Общественного договора» Руссо и тем самым обратить внимание науки на жемчужину коллекции — маргиналии Вольтера. В 1853 и в 1867 гг. Леузон ле Дюк (Léouzon le Duc) опубликовал более обстоятельные, но отнюдь не точные сведения о вольтеровской библиотеке и издал интереснейшую переписку Вольтера с парижской полицией. (Эту переписку П. Дубровский подобрал во рву Бастилии в день её падения.) Но этим и ограничилось ознакомление учёного мира с замечательной библиотекой. Даже французские специалисты-вольтероведы систематически её игнорировали.

А в России? Николаевские строжайшие запреты («ни читать книги из Вольтеровой и Дедеротовой библиотеки, ни делать из них выписок») лишь закрепили в 1837 г. прежние ограничения. Единственный русский читатель, сумевший преодолеть эти ограничения (1832), был Пушкин.

После передачи библиотеки в 1861 г. в Публичную библиотеку положение почти не изменилось. Запрещение выдавать читателям свыше 5 томов в день не давало возможности исследователям ознакомиться с почти семитысячным фондом и изучить замечания Вольтера на страницах книг. Ещё более серьёзной помехой было неудовлетворительное состояние каталогов. По этим

причинам в старой русской исторической литературе, немало занимавшейся Вольтером, этой библиотеке уделено мало внимания. Даже изучая и описывая вольтеровский фонд рукописей, относящихся к истории Петра I, библиотекарь Публичной библиотеки Р. И. Минцлов (*Pierre le Grand dans la littérature étrangère*. СПб. 1873) и Е. Ф. Шмурло (XX в.) не осветили состава библиотеки Вольтера. А в «Опыте русской историографии» В. Иконникова (т. е. в самом фундаментальном и обстоятельном обозрении всех архивных, музейных и библиотечных фондов России) библиотеке Вольтера уделено ровно шесть строк, хотя там несравненно подробнее описаны собрания, менее значительные для исторической науки и менее тесно связанные с русской историей. Французские же авторы не сумели извлечь из этого фонда и малой доли его богатств. Де ла Феррьер (Nector de la Ferrière) в своих отчётах о двухлетней командировке в Публичную библиотеку в середине 60-х годов почти ничем не обогатил сведения о петербургском вольтеровском фонде. В 1914 г. Фернан Косси (Fernand Caussy) лишь начал интересно задуманную серию публикаций и составил инвентарь рукописей библиотеки Вольтера, но не приступил к изучению её книжного состава, формирования и состояния, а также содержания и характера вольтеровских пометок на книгах.

После Великой Октябрьской социалистической революции положение коренным образом изменилось, хотя и не сразу. Необходимо было прежде всего упорядочить и полностью рекаталогизировать вольтеровскую библиотеку. В 1927 г. для работы над библиотекой Вольтера приезжали в Ленинград два американских исследователя — Дж. Р. Хавенс и Н. Л. Торрей. (Впоследствии каждый из них ещё по одному разу приезжал в Ленинград.) В результате ознакомления с библиотекой они издали ряд интересных публикаций, включая образцовое издание Дж. Р. Хавенсом всех вольтеровских маргиналий на страницах сочинений Руссо¹. После этого из-за границы не раз обращались за справками об отдельных элементах библиотеки Вольтера, заказывали фотокопии и т. п. В 1938 и 1939 гг. в ней работали один американский и один французский научные работники.

В то же время началась впервые разработка этого фонда советскими исследователями (к сожалению, преимущественно не историками, а литературоведами). К. Н. Державин просматривал состав испанской драматургии в фернейской библиотеке и в 1932 г. напечатал этюд о маргиналиях Вольтера.

¹ Havens G.-R. Voltaire's marginalia on the pages of Rousseau. A comparative study of ideas. Columbus, Ohio, 1933. Непосредственно составу библиотеки Вольтера посвящена статья Havens G.-R. and Torrey N. L. The private library of Voltaire at Leningrad. «Publications of the modern Language association of America», T. XLIII, no. 4, December 1928, p. 990—1009.

гера на экземпляре «Эмиля» Руссо. Д. П. Якубович в 1934 г. дал исследование о работе Пушкина в библиотеке Вольтера. П. С. Попов опубликовал выписки Пушкина из бумаг, присланных Вольтеру для его «Истории Петра Великого».

Автору этих строк удалось установить на частном примере (неизвестный автограф Вольтера, оказавшийся в Институте литературы Академии наук среди бумаг Пушкина), что в составе фернейской библиотеки были книги более ранних периодов жизни и странствий их владельца. Так, в ней мы обнаружили экземпляр книги, с которого на этом автографе были сделаны выписки ещё в 1737 г., т. е. в Сира. Кроме того нами же были опубликованы два новых литературных текста и значительные фрагменты корреспонденции Вольтера (1937), несколько его писем и пометок на полях книг (1939, 1941) и краткий очерк истории вольтеровской библиотеки. В течение 1931—1936 гг. мы подготовили книгу о вольтеровских фондах Государственной Публичной библиотеки, в которую вошло несколько десятков неопубликованных текстов. Цель этой книги — наметить пути изучения разносторонних материалов вольтеровской библиотеки. В 1940 г. А. И. Андреев поместил в сборнике Академии наук СССР «Ломоносов» статью о материалах по русскому Северу, входящих в состав бумаг, которые были посланы Вольтеру из Петербурга для работы над историей России при Петре I.

Таким образом, как рукописные, так и книжные богатства вольтеровской библиотеки начали привлекать к себе внимание и оживать в руках исследователей.

Вольтер, пополнявший свою библиотеку всевозможными новинками, имел обыкновение объединять мелкий печатный материал не только тематически (надписывая на первом титульном листе или в наклейке на корешке или заказывая переплётчику оттиск: «Genève», «Religion», «Parlement» и т. п.), но порой и чисто механически; так были составлены 149 томов «Всякой всячины» — «Pots pourris», частью нумерованных. Кроме того он иногда сохранял только вырезки статей из журнала или отдельного произведения из сборника, подчас сплетая их в один том и создавая таким путём библиографические головоломки. При обращении с таким томом (или крошечным томиком) нужна была особая осторожность, чтобы не выронить из него многочисленных закладок или чтобы не отскочили очень маленькие, иногда в 15—20 квадратных миллиметров, кусочки бумаги неправильной формы, которые Вольтер наклеивал прямо на текст (или даже на поля, где они совсем незаметны).

Издание каталога библиотеки Вольтера задумано Публичной библиотекой как выпуск серии, в состав которой должны войти как отдельные публикации и исследования (включая вводный том «Вольтеровские фонды Публичной библиотеки»), так и «Корпус» вольтеровских маргиналий, воспроизводимых с предельной полнотой. Они должны публиковаться в тематических подбо-

рах, например: «Следы работы Вольтера-историка на полях читанных им книг», «Вольтер—читатель драматургов-современников», «Вольтер и атеистическая литература», «Деизм», «Религия», «Детерминизм», «Ньютонизм и астрономия», «Географическая документация Вольтера» и т. п., и притом с надлежащим исследовательским оформлением, т. е. не изолированно, а с раскрытием связей с прочими высказываниями Вольтера по данному вопросу.

Библиотека фернейского патриарха не принадлежала к числу собраний своего времени, выдающихся по богатству своего книжного фонда. Если мы в ней находим издания, ныне библиографически редкие с нашей точки зрения, то самому Вольтеру были чужды библиофильский подход к собиранию книг или коллекционирование раритетов. Библиотека его — прежде всего превосходный рабочий аппарат, и притом исключительно используемый и активно организованный.

Вопреки распространённому мнению, философия отнюдь не является господствующим разделом библиотеки Вольтера. Хорошо представлены энциклопедические труды, серии справочного характера и собрания сочинений всех выдающихся авторов античности и XVI—XVIII веков. Но больше всего здесь произведений изящной словесности, преимущественно театральных, и особенно много исторических трудов. Исключительно богаты также разделы церковно-религиозной, физико-математической и географической литературы.

Многочисленны случайные по содержанию подношения Вольтеру — знак почтения авторов различных специальностей. Но гораздо характернее основательные подборки литературы, не только удовлетворявшие интересы Вольтера-человека, например по медицине или по садоводству, но и отвечающие запросам Вольтера-полемиста, исследователя или обличителя: экономика, всевозможные прикладные знания, в том числе и военные. Наряду с французскими и латинскими книгами много сочинений на английском языке, встречаются нередко и на итальянском, а также на испанском. Поразительно мало греческих текстов, совсем ничтожна литература на немецком языке; две-три польские книжки; присутствие нескольких еврейских объясняется наличием в соответствующих трудах латинского комментария. Встречаются дублеты и даже триплеты, порою с читательскими пометками на том и на другом экземпляре.

В отношении состава книжной части этого фонда приходится пока ограничиться этими крайне скудными штрихами. Рукописная же его часть, значительно меньшая по объёму, легче поддаётся суммарной характеристике. Рукописной библиотеки Вольтера составляют 20 больших томов, не считая многочисленных вклеек и приписок среди книг. Пять томов содержат ценнейшие материалы; которыми по приказу Елизаветы Петровны И. И. Шувалов и Санкт-Петербургская Академия наук снабдили Вольтера для работы над историей

России при Петре I. Три тома заняты копиями «Записок, служащих для жизнеописания г. Вольтера, писанных им самим», писем к г-же д'Эпинэ (Mme d'Épinau) и трагедии «Зюлима». Остальные 12 томов составляют основную серию. Здесь более или менее систематично подобраны части архива корреспонденции писателя: письма к Даламберу, Кондорсе, г-же Дю Дефан, Шуазелю, Фридриху II, И. И. Шувалову и многим другим; драматические тексты (беловые рукописи «Ирены» и «Агатокла», «Атрея и Тиеста», «Права господина» и ряда других, частично с неиспользованной издателями авторской правкой); бесчисленные письма и послания к Вольтеру от разных лиц, выписки, анекдоты, стихи и т. п. Один из томов составляет знаменитый сборник «Sottisier»; это единственная часть фонда библиотеки, попавшая в издания сочинений Вольтера в XIX веке. В других томах — черновые материалы для исторических трудов, хронологические выписки, документация по судебным процессам Лалли, Ла Барра, д'Эгаллонда и др., которая была необходима Вольтеру для его неутомимой борьбы за реабилитацию этих жертв фанатизма и судебной рутины.

В этих рукописях отражены с большей или меньшей полнотой все этапы жизни и творчества великого писателя (слабее всего — потсдамский период 1751—1753 гг., полнее всего — фернейское двадцатилетие). Наименее знакомый нам «английский» период (1726—1729) представлен тетрадкой Вольтера, служившей для изучения английского языка, а также записями поговорок и эпиграмм; и даже немногие недели предсмертных парижских триумфов 1778 г. отражены в нескольких автографах.

Уже в силу этого обстоятельства ленинградский вольтеровский фонд сулит исследователю уточнение и обновление биографии Вольтера. Подчас он решает полутора-вековой спор. Таковы, например, несколько листов с корректурными исправлениями «Истории установления христианства», неопровержимо устанавливающие принадлежность этого произведения Вольтеру.

Корреспонденция писателя, насчитывающая в издании L. Moland около 11 тыс. номеров, заслуженно считается первоклассным источником для изучения истории XVIII века. В настоящее время, благодаря ежегодным находкам во всех странах, она возросла на несколько тысяч номеров. Наш фонд обогатит её всего сотней писем, но при надлежащей обработке он даст кроме того сотни уточнений дат и адресов других, уже прежде известных писем, взведёт в научный обиход десятки новых корреспондентов Вольтера, укажет на вполне конкретные лакуны переписки. А обстоятельный анализ каждого письма (или иного текста) не только устранил существовавшие недоразумения (хотя бы в датировках), но и прольёт свет на творческую историю отдельных произведений, уточнение идеологических позиций, пути и сферы вольтеровского влияния на современников.

Так, письмо 30 сентября 1763 г. от Люлье-Мариньи (прежде неведомого горячего

почтателя Вольтера) — ценный документ по мало освещённому вопросу о вольтерианстве в Америке в XVIII веке. Изучив письмо Вольтера 1762 г., опубликованное в 1929 г. Patouillet с неверным раскрытием адреса, мы установили, во-первых, что оно написано к Пикте; во-вторых, что последний играл роль посредника при начале переписки Вольтера с Екатериной II, и при этом иную, чем ему приписывали Бильбасов, Барташев и Кобеко, не говоря уже о французских историках; в-третьих, что знаменитая корреспонденция в «Journal Encyclopédique» — информация для европейских читателей о перевороте, приведшем Екатерину II на престол, — не что иное, как личное письмо Пикте к Вольтеру, пересланное последним к редактору «Энциклопедического журнала». (Это ускользнуло от внимания всех издателей переписки Вольтера и её исследователей.)

Менее красочен, но исключительно ценен для установления вольтеровского текста документ, присланный Гриммом Екатерине II в 1786 г. Это — замечания вольтеровского секретаря Ваньера на так называемое «кельское» издание сочинений Вольтера, предпринятое после его смерти Бомарше и вызывавшее беспокойство русской императрицы. Эта тетрадка содержит много фактических справок о тексте или датировке вольтеровских произведений. Она кроме того выясняет один исторический документ, относящийся к событиям за 140 лет до работы Ваньера, — любопытнейшее письмо принца Кондэ 1650 г., доныне неизвестное историкам Фронды.

Особую ценность вольтеровской библиотеки составляют маргиналии, точнее, не только пометки на полях книг, но вся совокупность следов его чтения. Но охватить эту совокупность — непосильная задача, пока не будет издан свод всех вольтеровских пометок. А это потребует ещё длительного труда.

Мы насчитываем до тридцати способов отмечать читаемое место, практиковавшихся Вольтером: от обыкновенной закладки и кончая оригинальнейшими отметками, от обстоятельных надписей и до уже упомянутых крошечных наклеек, подобных тем, которые иногда встречаются в книгах XV века.

Не боясь нескромного взгляда, Вольтер на полях книг отмечал свои впечатления. И как они красноречивы именно своей непосредственной искренностью, недостижимой ни в произведениях, рассчитанных на гласность, ни даже в наиболее интимных письмах, тоже не гарантированных от огласки! «Ей-богу, дражайший Боннэ, ты — полудумный» (Par ma foi, mon cher Bonnét, tu es fou). «Сочинение нахальное, путанное, смехотворное, отвратительно написанное, полное ошибок и глупостей. Таких сочинений — множество» (Ouvrage impertinent, confus, ridicule, détestablement écrit, plein de faussetés et de bêtises. Il y en a beaucoup de pareilles) — на экземпляре «Хронологической истории Испании, соч. г-жей***» (1696). Или просто «увы» (heu) «гм» (hm), «тарабарщина» (tarare) или

«галиматья» — таковы далеко не самые резкие из подобных отзывов.

Вольтера приводил в негодование хвалебный тон истории завоевания Молуккских островов д'Арженсоля (D'Argenson). Histoire de la conquête, des isles moluques, Amsterdam, 1706). Он разоблачал истинные основы стремлений захватчиков и воздавал должное мужеству истребляемых туземцев: «Ты — занятный жулик и глупый резонёр. Если бы это было так, то они не сумели бы так ловко разбить войска твоего героя Филиппа» (Tu es un plaisant maraut et un sot raisonneur. Si il était vrai ils n'auraient pas si bien battu les troupes de ton heros philippe 2-nd. Орфография сохранена). «Ах ты, негодник, да разве не алчность и не религия побуждали испанцев и португальцев совершать такое множество омерзительных действий?» (Misérable que tue es n'est ce pas l'avarice et la religion qui a fait commettre aux espagnols et aux portugais tant d'actions abominables?).

Даже знаменитая «История Индии» аббата Рейналя не удовлетворяла Вольтера, и он на 3-м томе писал стихотворную эпиграмму: «Histoire lamentable execrable incroyable, écrite d'un style si admirable qu'on n'y trouve pas un mot de raisonnable» («История нудная, гнусная, неправдоподобная, написанная таким восхитительным стилем, что в ней не найти ни одного дельного слова»)

Особую категорию составляют краткие хохляки вставки Вольтера, обычно в титулах авторов раздражавших его книг. Например тот же Кребийон-старший, соперник Вольтера по сценическим успехам, превратился из «члена Французской академии» в «вестгота из Французской академии». Заслуживает самостоятельного изучения и стиль вольтеровских маргиналий (в связи с его влиянием на некоторые особенности иронии Вольтера-сатирика).

Множество исследовательских тем — исторических, литературоведческих, философских — связано с ленинградским вольтеровским фондом, неповторимым по своему богатству и своеобразию.

Приведём в виде простых примеров несколько наблюдений, связанных с исторической тематикой.

Недавно Л. С. Гордон в своей работе о вольтеровском «Кандиде» установил, что источником сведений о парагвайском государстве иезуитов в этом романе было сочинение Шарлевуа (Charlevoix «Histoire du Paraguan»). все три тома которого в библиотеке Вольтера носят обильные следы пристрастного чтения.

Мы точно знаем теперь, что одним из источников знакомства Вольтера с философией Ньютона была именно книга Ремберта «A view of Sir Isaac Newton's Philosophy» (Лондон, 1728) и что информацию по истории Азии Вольтер активно черпал из «Histoire de Gentichiscan» Гобилля (Gaubil), из «Путешествия в Персию» Шардена, из «Общей истории империи Монгола» Катру и т. д.

Мы видим, как ошетинились закладками все 35 томов «Церковной истории» Флёри,

как неотступно идёт критика на полях обширнейших многотомных комментариев на Библию Dom Calmet (Dictionnaire de la Bible), и убеждаемся, что Вольтер материал черпает не из вторых рук: и на экземплярах ранних отцов церкви — Евсевия, Тертуллиана, Юстина — обильнейшие следы чтения наравне, например, с Демосфеном и Авлом Геллием.

Вот следы чтения трудов Макнавелли, а вот и закладки в специальных исторических словарях; читается и «Древняя история» Роллена, но внимание привлекает и «История Великобритании» Юма (Лондон, 1757), а история Англии Рапэи-Туара читана особенно усердно. С другой стороны, мы замечаем, что ни Нестесуранон, ни Ламберти не были сочтены заслуживающими серьёзной проработки при написании Вольтером «Истории Петра Великого».

Вот специальные подборки материалов: мемуар Дюплен против Ост-Индской компании (1759), целые пачки брошюр о незуитах, целые полурри о делах парламентских, что связывается с писанием «Века Людовика XIV» и особенно «Истории Парижского Парламента».

Иногда Вольтер сам надписывает справку на закладке, облегчая как добавку о том, в связи с каким вопросом (а, следовательно, и каким своим сочинением) он интересовался данной книгой. Иногда он тут же, в процессе работы, помечает на книге, что «из-за множества ошибок в этой книге её необходимо сравнить с мемуарами маркиза Торси» (речь идёт о первом томе «Мемуаров для истории Испании в царствование Филиппа V» Винсенте Бакалари и Сонна, маркиза Сан Филиппо, Амстердам, 1756).

В других случаях выступает сюжет анекдота; например среди многих закладок в обоих томах «Истории лиги, заключённой в Камбре» (Париж, 1709) единственная маргинальная пометка гласит: «Добрые швейцарцы после проповеди свонского священника обкрадывают казну папы и отправляются грабить казну Франциска I».

Гораздо тоньше и ответственнее работа исследователя, пытающегося по «молчаливым» следам чтения (чистым закладкам, приклеенным кусочкам бумаги, простым подчёркиваниям) установить, в какой именно связи данные страницы вызвали интерес автора «Опыта о нравах», «Века Людовика XIV» и «Истории Российской империи в царствование Петра Великого». Не так ли сложна эта работа, она не может не привлечь внимание любого историка, интересующегося историографическими проблемами: мы слишком недостаточно знаем метод, рабочие приёмы, полноту документации у историков на протяжении всего XVIII века, чтобы пренебрегать столь исключительным случаем проникнуть в лабораторию, несомненно, галантливейшего из них.

Введение в научный оборот, а тем более исследовательское исчерпание фондов вольтеровской библиотеки требуют коллективного труда, и историкам в этом труде — почётное место.